

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В СТЕНЫ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ В 1948 ГОДУ

Алексей Константинович Светозарский

кандидат богословия, профессор
заведующий кафедрой церковной истории
Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
svetozarskij@yandex.ru

Для цитирования: *Светозарский А. К.* Возвращение Московской духовной академии в стены Троице-Сергиевой Лавры в 1948 году // Церковный историк. 2019. Т. 1. № 1. С. 80–103.

Аннотация

В настоящей статье читатель узнает об истории возобновления богословской и духовной жизни Московской духовной академии в стенах Троице-Сергиевой Лавры. Постепенно, шаг за шагом в ведение Церкви были переданы исторические здания Московской духовной академии. Во многом благодаря дипломатическому таланту Святейшего Патриарха Алексия, многочисленные письма с просьбами и ходатайствами в Совет по делам Русской Православной Церкви, возглавляемый Г. Г. Карповым, были удовлетворены. Однако это далось не просто. После встречи трёх иерархов нашей Церкви — митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича) — с главой правительства СССР И. В. Сталиным начался процесс воссоздания системы духовного образования. Но довольствоваться помещениями Новодевичьего монастыря из-за возрастающего количества студентов долго не получилось. Со временем сложилась благоприятная обстановка для возвращения Московской духовной академии в келью преподобного Сергия. Сложностям процесса передачи исторических зданий и посвящена данная статья.

Ключевые слова: духовное образование, духовные школы, МДА, Троице-Сергиева Лавра.

В минувшем 2018 году Московская духовная академия отметила семидесятилетний юбилей события, имевшего место в её новейшей истории, которое несомненно следует отнести к числу знаковых. Речь идёт о возвращении возрождённой Московской духовной академии (МДА) в её исторические здания в Троице-Сергиевой Лавре, совершившемся осенью 1948 года. В связи с этим любопытно отметить тот факт, что на протяжении всей своей истории наша alma mater всегда была связана с различными иноческими обителями. Так, в 1685 году братья Иоанникий и Софроний Лихуды начали преподавание своим первым ученикам в кельях древнего Богоявленского монастыря в Китай-городе, основанного в 1296 году святым благоверным князем Даниилом Московским. В 1687 году Славяно-греко-латинская академия обосновалась в специально устроенных зданиях Заиконоспасского монастыря на Никольской улице, где пребывала (уже под именем Спасских школ) до наполеоновского нашествия. В 1814 году академия, реформированная в соответствии с требованиями времени, была переведена в Троице-Сергиеву Лавру, где пребывала на протяжении последующих ста с небольшим лет. Даже когда наша alma mater после официального прекращения своей деятельности в 1919 году, по выражению епископа Вениамина (Милова) (в то время иеромонаха), окончившего курс академии в 1922 году, «доживая последние дни, ютилась в разных местах города» (Москвы), занятия со студентами нелегально действовавшей академии проводились в подсобных помещениях Высоко-Петровского монастыря¹. А возрождение Московских духовных школ в годы Великой Отечественной войны началось в помещениях закрытого к тому времени Московского Новодевичьего монастыря.

О возвращении же академии «к Троице», под покров Божией Матери и преподобного аввы Сергия Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий I — выпускник Московской духовной академии 1904 года, мечтал с самого момента возрождения Московских духовных школ и делал для этого всё возможное. В своей статье «Святейший патриарх Алексий и Московские духовные школы» протоиерей Вадим Смирнов (ныне — игумен Никон), в прошлом — многолетний преподаватель Московской духовной академии и семинарии (МДА и С), приводит следующее свидетельство покойного митрополита Ленинградского

1 Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 53–58, 56–58.

и Новгородского Антония (Мельникова): «Мне довелось с первых дней учиться в возрождённой школе. Я хорошо помню день 14 июня в Москве; в стенах Новодевичьего монастыря Московский Первосвятитель митрополит Алексей служил молебен перед началом занятий. Патриарший Местоблюститель благословил Московскую Духовную школу образом «Явления Божией Матери Преподобному Сергию» и сказал:

«Я верю, что молитвами Божией Матери и предстательством Преподобного Сергия Московская Духовная академия возвратится в своё историческое место — в стены Лавры и будет продолжать славную традицию прежней Академии». И вот сегодня мы видим исполнение пророческих слов нашего Святейшего Патриарха»².

Прошло немногим больше четырёх лет, и возрождённая академия смогла возвратиться в свои исторические здания в Троице-Сергиевой Лавре. Но у этого знаменательного события была своя интересная предыстория, которая и составляет предмет настоящей статьи. И так, в 1944 году Московской Патриархии для размещения Богословского института и Пастырско-богословских курсов была передана часть зданий архитектурного ансамбля бывшего Новодевичьего монастыря — так называемый «Лопухинский» корпус и храм Преображения Господня над северными воротами обители. В нижнем этаже корпуса размещалась хозяйственная часть и хранились книги для будущей библиотеки. В верхнем этаже две комнаты были отведены под аудитории, здесь же находилась профессорская (она же — кабинет ректора), канцелярия, квартира ректора и спальни для студентов. Трапезной для студентов первое время не было, и питомцы возрождённых духовных школ пользовались услугами одной из городских столовых, находившихся близ Новодевичьего монастыря. Такое положение сохранялось в течение 1944/1945 учебного года³.

Отправной точкой развернувшегося в 1940-х годах процесса воссоздания системы богословского образования в Русской Православной Церкви следует считать встречу трёх иерархов нашей Церкви (митро-

2 Смирнов В., прот. Святейший Патриарх Алексей и Московские духовные школы // Московская духовная академия 300 лет (1685–1985). Богословские труды. Юбилейный сборник. М., 1986. С. 152.

3 Ушков А. В. Московская Духовная Академия в первые годы её восстановления в стенах б. Новодевичьего монастыря: сборник статей, посвященных 150-летию пребывания в Свято-Троице-Сергиевой Лавре. Труд профессорско-преподавательского состава МДАиС. Т. 1. 1964. С. 167.

политов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича)) с главой правительства СССР И. В. Сталиным, состоявшуюся 4 сентября 1943 года. Среди самых насущных вопросов церковной жизни иерархами был поставлен вопрос о подготовке кадров священнослужителей. И этот вопрос был решён положительно. Уже 29 октября 1943 года на встрече патриарха Сергия, избранного на патриарший престол Архиерейским Собором 8 сентября 1943 года, митрополитов Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича) с председателем Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карповым, во время которой обсуждались важнейшие вопросы, связанные с воссозданием церковных структур, присутствовал архиепископ Саратовский Григорий (Чуков), имевший огромный опыт церковно-педагогической деятельности в дореволюционные и послереволюционные годы. В связи с возобновлением образовательной деятельности Церкви владыка Григорий возглавил Учебный Комитет. Именно на этой встрече и было решено «определить количество мест для 1-го курса института в Москве — 30 человек и для 1-го года обучения на пастырско-богословских курсах до 25 человек»⁴. Но в действительности первый набор института насчитывал 17 студентов, а на курсах в первом учебном полугодии обучалось 17 слушателей⁵. При этом штат преподавателей состоял из 16 человек⁶. Затем в течение 1944–1946 годов состав корпорации пополнили ещё пять человек. Большинство из них относилось к числу клириков г. Москвы и мирян, проживающих в столице, а потому не нуждались в предоставлении жилплощади на территории бывшего Новодевичьего монастыря. Казалось бы, выделенные правительством СССР помещения древней обители можно было бы считать достаточными. Но в реальности богословские школы буквально ютились в Лопухинском корпусе, и обитание в нём напоминало режим подводной лодки. К тому же следовало подумать о перспективах естественного роста и расширения учебного заведения. Надвратная же Преображенская церковь, где совершались регулярные уставные богослужения, была маломестительна, да и к тому же она не отапливалась, что создавало вполне понятные сложности в холодное время года. Часто поздней

4 Русская Православная Церковь. XX век / Белгов А. Л., Васильева О. Ю, Журавский А. В. и др. М., 2008. С. 336.

5 Архив делопроизводства Московской духовной академии (АДМДА). Журнал № 4 Объединенного Совета Православного Богословского Института и богословско-пастырских курсов от 6 сентября 1944 года. С. 1.

6 АДМДА. Журнал № 2 Общего Собрания Советов Православного Богословского Института и Богословско-пастырских курсов от 19 июля 1944 г. С. 3.

осенью, зимой и ранней весной учащиеся организованным порядком отправлялись на воскресные и праздничные богослужения на другой конец города в Богоявленский собор в Елохове. В связи с означенными обстоятельствами патриарх Алексей I решил обратиться в Совет по делам Русской Православной Церкви с ходатайством о передаче Богословскому институту ещё одного здания на территории бывшего Новодевичьего монастыря — Успенской трапезной церкви. В письме Г. Г. Карпову от 14 апреля 1945 года патриарх обосновывал необходимость передачи Патриархии Успенской церкви следующим образом:

«В деле духовного просвещения и объединения церковных сил всего православного мира особенно важная роль выпадает на долю Православного богословского института, который в течение ближайших лет должен стать не только рассадником пастырских кадров для нашей Церкви, но и центром научно-богословской мысли Вселенского Православия, о чём, между прочим, свидетельствует и желание зарубежных Церквей посылать к нам своих студентов для обучения.

Поэтому естественно, что Московская патриархия проявляет особенную заботу о благоустроении Института, работающего сейчас в Новодевичьем монастыре в условиях крайне ограниченного по площади помещения.

Надлежащая постановка учебно-воспитательного дела, особенно в связи с притоком новых учащихся, требует, конечно, хорошего и приспособленного здания, отвечающего достоинству высшей духовной школы и её центральному положению в Православном мире, но трудности военного времени побуждают Патриархию снизить требования института до минимума и просить Совет по делам Русской Православной Церкви возбудить перед нашим Правительством ходатайство о передаче Богословскому институту Успенской церкви Новодевичьего монастыря. Это здание может быть освобождено с наименьшими трудностями для Государства и на ближайшие годы удовлетворит нужды Богословского института»⁷.

Набор аргументов предельно правильный, в связи с чем остаётся лишь ещё раз отметить удивительные дипломатические способности, отличавшие приснопамятного Предстоятеля нашей Церкви. Поставленный патриархом вопрос разрешился в самые кратчайшие сроки. Уже

7 Письма патриарха Алексея I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров — Совете Министров СССР. 1945–1953 гг. Т. I. М., 2009. С. 45.

22 мая Г. Г. Карпов направил соответствующую докладную записку в СНК на имя В. М. Молотова. С его стороны возражений не было, и 5 июля 1945 года последовало распоряжение Совета Народных Комиссаров СССР № 1024-рс «Об освобождении корпуса № 14 (бывшая трапезная) и Успенской церкви в бывшем Новодевичьем монастыре для нужд богословского института». Вполне вероятно, что скорое решение вопроса было связано с планировавшейся поездкой патриарха на Ближний Восток, которая инициировалась советским руководством из соображений внешней политики. Свои предложения по составу делегации и маршруту следования патриарх высказал Г. Г. Карпову в другом письме, также датированном 14 апреля 1945 года⁸. Официально патриарх отправлялся в паломничество и одновременно наносил ответный визит восточным патриархам, принимавшим участие в работе Поместного Собора 1945 года. Фактически же его путешествие, протекавшее с 28 мая по 29 июня 1945 года, не только способствовало восстановлению межправославных связей и укреплению международного авторитета Русской Православной Церкви, но усиливало политическое влияние СССР на Ближнем Востоке. И накануне столь важного в политическом отношении мероприятия отказать патриарху в его просьбе было невозможно.

К началу 1945/1946 учебного года внехрамовая часть здания Успенской церкви была освобождена, и в ней удалось разместить две спальни, две аудитории, канцелярию со счётной частью и кабинет С. В. Савинского — проректора духовных школ. Вскоре после начала занятий (5 ноября 1945 года)⁹ началось освобождение храмовой части Успенской трапезной церкви, занятой до этого складом военного ведомства. При институте открылась столовая. Столовая и кухня располагались теперь в нижнем этаже Лопухинского корпуса. Там же проживали шесть человек студентов старшего III курса института. Остальные учащиеся размещались в спальнях, расположенных во внехрамовой части здания Успенской церкви. Общежитие предоставлялось лишь тем питомцам духовных школ, которые не имели места жительства в Москве¹⁰. Трапеза (по крайней мере, до отмены продовольственных карточек в 1947 году) предусматривалось лишь для проживающих в общежитии. Москвичи питались дома. Те же, кто жил в Новодевичьем, теперь ежедневно получали утром завтрак, а по окончании занятий — обед. Питание было

8 Письма патриарха Алексия I. С. 46–47.

9 1945/1946 учебный год в Московских духовных школах начался 1 ноября 1945 года.

10 Ушков А. В. Указ. соч. С. 167–168.

двухразовым. Учащимся полагалась рабочая карточка¹¹, что по тем временам можно считать привилегией. До восстановления Успенского храма богослужения по-прежнему совершались в надвратной Преображенской церкви, а с наступлением холодов учащиеся по воскресениям и праздникам всё так же ездили в Елоховский собор, где для них отводились специальные места¹². Но к декабрю 1945 года Успенский храм был окончательно освобождён от склада, и под его сводами начались восстановительные работы, активное участие в которых принимали добровольцы из числа учащихся духовных школ. Православные москвичи также внесли свой вклад в дело возрождения храма: принимали участие в восстановительных работах, жертвовали иконы, богослужебную утварь и другие необходимые принадлежности¹³. В своем письме Г. Г. Карпову патриарх Алексей I просил передать храм институту «со всем принадлежащим ему инвентарём, утварью и ризницей — по описи и на правах безвозмездного дарения»¹⁴. Но в действительности его просьба передать храм в соответствии с дореволюционными описями или описями, составленными в 1920-х годах, оказалась невыполнимой. Приходилось довольствоваться пожертвованиями москвичей и переданным располагавшимся на территории Новодевичьего монастыря филиалом Государственного исторического музея иконостасом XVII века из закрытой в то время московской церкви Живоначальной Троицы в Хохлах¹⁵. Торжество освящения храма и первая после его возобновления Божественная Литургия были совершены Святейшим Патриархом Алексием в сослужении с представителями московского духовенства, преподавателей и студентов в священном сане 29 декабря 1945 года¹⁶.

Храмы при Богословском институте (Преображенский и Успенский) были первыми храмами, вновь открытыми в Москве в военные и первые послевоенные годы. На 1945 год в тогдашних границах Москвы и в её ближайших окрестностях действовало чуть больше трёх десятков церквей:

- 11 *Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В.* Русь уходящая. Рассказы митрополита. М., 2004. С. 134.
- 12 *Ушков А. В.* Указ. соч. С. 169.
- 13 *Савинский С. В., проф.* Торжество освящения храма в Богословском институте // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 1. С. 19–22.
- 14 Письма патриарха Алексия I. С. 46.
- 15 Москва православная. Церковный календарь. История города в его святынях. Благочестивые обычаи. М., 2002. С. 256–257. В 1980-х годах иконостас был сменён иконостасом из разрушенного московского храма Успения Божией Матери на Покровке.
- 16 *Савинский С. В., проф.* Указ. соч. С. 21–22.

Богоявленский собор в Елохове, а также церкви: Воскресения Христова в Сокольниках, Успения Пресвятой Богородицы в Гончарах, Воскресения Словущего (апостола Филиппа), а также храмы того же посвящения в Брюсовском переулке и на Ваганьковском кладбище. Продолжали действовать пережившие гонения и кампанию по массовому закрытию храмов церкви: Знамения Пресвятой Богородицы в Переяславской Ямской слободе (у Рижского вокзала), Святого пророка Божия Или (Обыденного), Рождества Иоанна Предтечи на Пресне, святого Иоанна Воина на Якиманке, Никольская единоверческая на Рогожском кладбище, святителя Николая Чудотворца в Хамовниках, святителя Николая Чудотворца в Кузнецях, Никольская на Преображенском кладбище, святых апостолов Петра и Павла у Яузских ворот (Знамения Пресвятой Богородицы), святых апостолов Петра и Павла в Солдатской слободе, в Лефортове (на Синичке), Покрова Пресвятой Богородицы в Лыщиковом переулке, Преображения Господня на Преображенской площади, Ризоположения Господня на Донской улице, Сошествия Св. Духа на Даниловском кладбище, Живоначальной Троицы на Пятницком кладбище, «Всех скорбящих Радости» на Калитниковском кладбище. На московских окраинах и в ближнем Подмоскovie продолжали действовать храмы: пророка Божия Или в Черкизове, Рождества Христова в Измайлове, иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» в Марьиной роще, Преображения Господня в Богородском, Ризоположения Пресвятой Богородицы в Леонове, Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине, Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском. Живоначальной Троицы на Воробьевых горах, Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве, Покрова Пресвятой Богородицы в Медведкове, мучеников Адриана и Наталии в Лосинке, Рождества Иоанна Предтечи в Ивановском. Действовал вновь и закрытый было незадолго до начала войны храм в честь Казанской иконы Божией Матери в Коломенском.

До 1946 года храм преподобного Пимена Великого (Живоначальной Троицы) действовал как обновленческий кафедральный собор. А храмы св. Николая Чудотворца на Рогожском и Преображенском кладбищах совместно использовались православными, старообрядческими и единоверческими общинами. После поспешно проведённого ремонта к Пасхе 1945 года был освящён и открыт храм Всех Святых во Всехсвятском (ст. метро «Сокол»), настоятелем которого стал профессор Московской духовной академии протоиерей Вениамин Васильевич Платонов. Но к этому времени Преображенский храм при Богословском институте

уже действовал и пользовался большой популярностью у верующих москвичей. Открытие же Успенского храма сразу же поставило его в центр церковной жизни Москвы того времени. В храм Богословского института православных москвичей влекло не только уставное богослужение и прекрасное пение институтского хора. По воспоминаниям старожилов, большой популярностью пользовались внебогослужебные беседы, проводившиеся по вечерам в помещении Успенского храма. Это были лекции на библейские и церковно-исторические темы, сопровождавшиеся демонстрацией «туманных картин» — диапозитивов. Иногда на них присутствовал сам патриарх, именовавший несанкционированные, но и не запрещаемые властями вечерние собрания в Новодевичьем «духовными беседами». Неизменным докладчиком на этих вечерах был протоиерей Александр Смирнов (в 1949–1950 годах — ректор Московской духовной академии и семинарии), настоятель Николо-Кузнецкого храма. Его лекции сопровождалась песнопениями приходского хора¹⁷. Патриарх считал уместным приглашать на «духовные беседы» особенно важных для него гостей. Так Великим постом 1946 года, 8 апреля, он пригласил в Новодевичий делегацию с Западной Украины. В её составе был и о. Гавриил Костельник — инициатор воссоединения западноукраинских униатов с Православной Церковью, возведённый патриархом накануне, в день Благовещения Пресвятой Богородицы, в сан протопресвитера. «На беседах» ему было предоставлено слово, и он напрямую обратился к москвичам с проповедью, и по замечанию патриарха «очень хорошо говорил»¹⁸.

Но одновременно с заботами по обустройству богословских школ в стенах древнего Новодевичьего монастыря патриарх ещё в конце лета 1945 года начал работу по возвращению Русской Православной Церкви величайшей святыни русского Православия — Троице-Сергиевой Лавры и расположенных на её территории исторических зданий Московской духовной академии. В письме Г. Г. Карпову от 15 августа 1945 года он перечисляет исторические заслуги Лавры, мотивирует необходимость передачи некоторых её зданий Патриархии¹⁹ насущными нуждами церковной жизни (размещение типографии, свечного завода, мастерских по производству богослужебной утвари), указывает на то, что акт частичной передачи лаврских зданий Церкви произведёт самое благоприятное впечатление на мировую общественность, обещает, что

17 *Алексий, патриарх Московский и всея Руси. Дневниковые записи. Т. I. 1943–1950 гг. С. 84.*

18 Там же.

19 Успенского собора и зданий Московской духовной академии.

Патриархия самым деятельным образом примет участие в реставрации памятников прославленного монастыря. В этом же письме патриарх просит передать в Успенский собор Лавры мощи преподобного Сергия Радонежского. Любопытно, что сам собор он называет будущим храмом Богословского института и вообще пишет о возможности «воссоздать в Лавре центр богословской науки» и «открыть у мощей преподобного Сергия богослужения» с привлечением «лучших сил духовенства». О возрождении монастыря или монашеской жизни в письме нет ни слова.

На основании письма патриарха Г. Г. Карпов направил 21 августа 1945 года докладную записку в Совнарком СССР. На следующий день на документе появилась резолюция: «Тов. Карпову “Возражений нет. В. Молотов”». О том, что просьба патриарха удовлетворена, Карпов сообщил Святейшему в письме от 4 сентября 1945 года, и в тот же день оно было зачитано на заседании Священного Синода. В письме сообщалось также, что «сроки освобождения указанных выше помещений и передачи их Московской патриархии будут установлены позднее»²⁰.

Богослужение в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры возобновилось в Великую Пятницу 19 апреля 1946 года. А 29 апреля патриарх направил Г. Г. Карпову благодарственное письмо и просил его передать благодарственное послание И. В. Сталину, что Карповым вскоре и было исполнено²¹. Таким образом, у патриарха были все основания для оптимистических прогнозов относительно перевода богословских школ в Лавру. Выступая 30 июня 1946 года с речью на годовичном акте Богословского института, он сказал:

«С Божией помощью, с начала будущего учебного года, под исконным кровом обители преподобного Сергия, в своём историческом здании, откроется Московская духовная академия, возглавляемая ректором-епископом, а наши пастырские курсы будут преобразованы в духовную семинарию»²².

Действительно, накануне начала нового 1946/47 года последовала реорганизация Московских духовных школ. Богословский институт был переименован в Московскую духовную академию, а Богословско-пастырские курсы при нём — в Московскую духовную семинарию. В обоих учебных заведениях был установлен четырёхлетний курс обучения. Оба учебных заведения находились под управлением единой админи-

20 Письма патриарха Алексия I. С. 67–69.

21 Письма патриарха Алексия I. С. 149–150.

22 *Алексий, патриарх Московский и всея Руси. Слова и речи.* Т. I. С. 169.

страции. Со временем духовные школы возглавил и ректор-епископ²³. Но возвращение возрождённых Московских духовных школ состоялось лишь через два года — осенью 1948 года. Более того, патриарху был представлен проект, согласно которому академия должна была остаться в Москве. Его автор — протоиерей Николай Викторович Чепурин (1881–1947) — человек ярких дарований, чьи административные способности высоко ценил патриарх. До революции Николай Чепурин окончил Харьковскую духовную семинарию, а затем поступил на юридический факультет Киевского университета св. Владимира. Будучи студентом университета, в 1903 году принял священный сан. Несколько лет служил на сельском приходе в Сумском уезде Харьковской губернии, совмещая пастырскую деятельность с миссионерской. В 1905–1908 годах изучал биологию в Оксфорде. Затем вернулся на родину и всецело посвятил себя миссионерской деятельности. В 1910–1912 годах он — епархиальный миссионер-проповедник Новгородской епархии. С 1912 по 1918 год он занимает ту же должность в епархии Санкт-Петербургской и служит в храме Смоленского кладбища. С 1915 года о. Николай продолжает своё богословское образование в Петроградской духовной академии, где обучается в качестве вольнослушателя. С 1919 года он занимает должность проректора Петроградского богословского института, преподаёт на Высших богословских курсах. Магистр богословия и профессор (1927). С 1930 по 1946 год проходит через тюрьмы, лагеря и ссылки. С помощью патриарха Алексия I, лично знавшего его по Петрограду, перебирается в Москву и получает назначение на должность настоятеля храма Пимена Великого и инспектора МДА и с 23 октября 1946 года протоиерей Николай Чепурин назначается ректором академии и семинарии и настоятелем академического храма, сменив на этом посту первого ректора возрождённых духовных школ протоиерея Т. Д. Попова. Ради кандидатуры о. Николая патриарх даже отказался на время от идеи епископского возглавления академии²⁴.

К сожалению, ректорство о. Николая было недолгим. 7 февраля 1947 года он скоропостижно скончался. Но всё же его кипучая деятельность на посту ректора²⁵ оставила заметный след в истории академии рассматриваемого нами периода. Но возвратимся к вопросу о переводе академии в Лавру.

23 Осенью 1947 года.

24 На должность ректора МДАиС патриарх предполагал назначить епископа Ростовского и Таганрогского Серафима (Шарапова).

25 АМПДА. Личное дело прот. Н. В. Чепурина.

На начало 1946/1947 учебного года реорганизованные духовные школы по-прежнему оставались в Новодевичьем монастыре. К этому времени число учащихся значительно возросло. В семинарии обучалось 147 человек, в академии — 14 человек²⁶. Помещений явно не хватало, особенно если учитывать перспективы развития учебного заведения. Деятельный о. Николай составил 17 декабря 1946 года докладную записку на имя патриарха, в которой охарактеризовал ситуацию с помещениями следующим образом:

«Те помещения на территории б. Новодевичьего монастыря, которыми располагает сейчас духовная академия и семинария, ни с какой стороны не могут удовлетворять самым скромным требованиям. Объём площади, внутренняя планировка и запущенность тех помещений вовлекают администрацию академии в постоянные и тягостные конфликты то задачами и установками учебными (не хватает аудиторий, совершенно нет занятых комнат, читальни, красного (sic! — А.С.) уголка, вспомогательных кабинетов), то с санитарно-гигиеническим минимумом. Ко всем этим недостаткам присоединяется то жгучее чувство неловкости, когда встаёт необходимость допустить сторонних людей для обозрения наших школ»²⁷.

Ректор также высказал сомнения относительно скорого осуществления перевода духовных школ в Лавру. Но и даже в случае благоприятного разрешения ситуации, как считал о. Николай, в Лавре будет передана лишь небольшая часть прежних академических зданий, и помещений опять не будет хватать. Кроме того, по его мнению, деятельность академии осложнится в связи с тем, что большинство членов профессорско-преподавательской корпорации будут вынуждены остаться в Москве, а у учащихся возникнут вполне понятные проблемы, связанные с отсутствием у академии фундаментальной библиотеки²⁸. В связи с этим о. ректор предлагал «первый большой и основной план», согласно которому перевод богословских школ в Лавру следовало отложить до того момента, когда Патриархии будут переданы все здания, принадлежавшие академии. А пока «не наступит общая благоприятная

26 Начало учебного года в Московских богословских школах // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 10. С. 3.

27 Комаров К. М. Жизнь Московской духовной академии с 1948 по 1955 год // Сборник статей, посвященных 150-летию пребывания в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Т. I. Загорск, 1964. С. 178–179.

28 В Москве учащиеся МДАиС имели возможность пользоваться библиотекой им. Ленина.

обстановка», действовать следует в соответствии со вторым, «малым и временным планом»: улучшать положение академии и семинарии в Новодевичьем, просить о передаче части зданий и Смоленского собора. При этом автор проекта явно убеждал патриарха в том, что академии лучше остаться в Москве, завершая докладную записку весьма пафосными пассажами:

«Духовные школы Православной Русской Церкви, находящиеся в первенствующем граде Советской державы и в непосредственной близости к Главе этой Церкви, к Патриарху Московскому и всея Руси, приобретут тот именно вид, к которому обязывает их высокое положение и звание “МОСКОВСКИХ”».

Но в сознании патриарха Лавра и академия были связаны неразрывно, и в своей резолюции на докладную записку о. Николая Чепурина он определил как «главную цель» «водворение духовной академии и духовной семинарии в Лавре». При этом одобрил он и «малый план» в той его части, которая касалась расширения церковных структур в ограде бывшего Новодевичьего монастыря²⁹.

«Уходить из Новодевичьего» патриарх не собирался. Более того, есть все основания полагать, что он думал о возрождении в его стенах монашеской жизни. В своём письме Г. Г. Карпову от 5 мая 1946 года он ставил вопрос «о замещении освобождающихся помещений в Новодевичьем монастыре» в связи с намеченным переводом Богословского института и курсов в Троице-Сергиеву Лавру. Он предлагал пригласить в Новодевичий группу сестёр знаменитого Леснинского монастыря, проживавших на тот момент в Белграде и возглавлявшихся игуменьей Ниной. Карпов принялся за изучение вопроса, но по не зависевшим ни от него, ни от патриарха обстоятельствам проект этот осуществить не удалось³⁰. А вообще открытие в Москве женского монастыря патриарх считал делом необходимым, и в то время это не встречало принципиальных возражений со стороны Карпова.

В отношении к Новодевичьему патриарх мог руководствоваться и личными мотивами. Последней игуменьей монастыря до его закрытия была родственница Святейшего — игуменья Леониды (Озерова, †1920)³¹, похороненная на территории обители, как раз напротив Лопухинского

29 Комаров К. М. Указ. соч. С. 180–182.

30 Письма патриарха Алексия I. С. 150–154, 612–614.

31 Родная сестра бабушки патриарха Алексия (матери его отца) Анны Петровны Симанской (урождённой Арцыбашевой).

корпуса. На «новой» территории Новодевичьего кладбища, примыкающей к южной части монастырской ограды, находится могила скончавшейся в 1922 году матери патриарха Ольги Александровны Симанской (урождённой Пороховщиковой). На её надгробии, установленном заботами Святейшего, начертано и имя отца Предстоятеля — Владимира Андреевича Симанского, скончавшегося в 1929 году и похороненного в Ленинграде, на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря. Молитвенная память о почивших родственниках занимала особое место в духовной жизни патриарха, а в его повседневной жизни большую роль играли родственные связи и личные привязанности. На желание попрочнее утвердиться в Новодевичьем могло повлиять и ещё одно обстоятельство. Родная сестра патриарха Анна Владимировна готовилась к принятию монашества. Её постриг в рясофор был совершён 8 марта 1948 года в Киевском Покровском монастыре³². Вполне в духе характера патриарха было бы желание видеть сестру рядом, тем более что она была вместе с ним в тяжёлые годы служения на Ленинградской кафедре, в частности в период блокады.

После кончины протоиерея Николая Чепурина до назначения нового ректора — епископа Гермогена (Кожина) — ректорские обязанности исполнял инспектор МДА и С профессор Сергей Васильевич Савинский³³. По завершении учебного года на торжественном акте патриарх вновь говорил о перспективе перевода духовных школ в Лавру, который должен осуществиться в ближайшее время³⁴. В ожидании этого события был объявлен большой набор абитуриентов. Но переезд в Лавру опять был отложен на неопределённое время, и перед духовной школой вновь остро встала проблема помещений.

Ещё в начале 1947 года патриарх обратился к Г. Г. Карпову (письмо от 12 января 1947 г.) с просьбой ходатайствовать перед правительством о передаче зданий № 2, № 3, № 4, № 17 и № 18, расположенных на территории Новодевичьего монастыря, содействовать скорейшему освобождению подвальных помещений Успенского храма. Просил он и о передаче Смоленского собора «со всем его значащимся по описи инвентарём и библиотекой», с предложением возложить на Патриархию «тщательную охрану и показ их как исторических памятников,

32 *Алексий, патриарх Московский и всея Руси. Дневниковые записи. Т. I. 1943–1950 гг. С. 127.*

33 *Принял священный сан 31 августа 1947 года.*

34 *Савинский С. В., проф. Московские Православные Духовные Академия и Семинария в 1946/1947 учебном году // Журнал Московской Патриархии. 1947. № 7. С. 26.*

производя последнее под контролем музейного ведомства»³⁵. 28 марта 1947 года патриарх вновь обратился к Карпову с письмом, в котором писал о «крайней необходимости в расширении помещения академии и семинарии» и о передаче Смоленского собора в ведение Совета МДА. К письму был приложен рапорт и.о. ректора С. В. Савинского, адресованный Г. Г. Карпову. В этом документе С. В. Савинский просил о передаче двух корпусов (№ 4 и № 17), об освобождении подвальных помещений Успенского храма и подробно обосновывал необходимость передачи Совету МДА Смоленского собора со всем его внутренним убранством, богослужбной утварью и облачениями. Предполагалось, что в соборе возобновятся регулярные богослужения, но при этом под его сводами будет действовать и церковный музей — постоянная выставка «лучших образцов тканей, облачений, ковров, изделий из металла (чеканка, резьба), иконного письма, книжных миниатюр, переплетного искусства и других предметов старины». Свой рапорт С. В. Савинский завершил следующим образом:

«... Московская духовная академия хорошо знает, что работа церковного музея по хранению его ценностей должна находиться на высоте требований современной науки о консервации и реставрации памятников. Эта сторона дела будет обеспечена опытным музейным специалистом, который совместно с администрацией академии позаботится об осуществлении всех мероприятий по охране памятников, согласно существующим в СССР законоположениям»³⁶.

Патриарх Алексей I имел веские основания надеяться на передачу Смоленского собора Церкви. Напомним о том, что все описываемые события разворачивались на фоне подготовки к масштабному межправославному форуму, идея проведения которого возникла после Поместного Собора 1945 года и была одобрена лично Сталиным. Формат предполагавшегося церковного форума постоянно менялся: от Вселенского предсоборного совещания с участием глав всех автокефальных Православных Церквей до Совещания глав и представителей автокефальных Православных Поместных Церквей, приуроченного к юбилейной дате — 500-летию автокефалии Русской Православной Церкви. Постоянно переносилась и дата проведения форума. О Совещании 1948 года сказано и написано очень много. В рамках настоящей статьи мы не будем касаться этого вопроса. Для нас важно то, что

35 Письма патриарха Алексея I. С. 220–222.

36 Там же. С. 255–258.

в начале 1947 года проведение «Собора представителей Православных Церквей Востока, славянских Церквей, а также прочих автокефальных Церквей: Румынской, Грузинской, Албанской, Афинской, Кипрской» планировалось в первой декаде октября того же года³⁷. В преддверии столь масштабного мероприятия международного уровня, в проведении которого была заинтересована не только Церковь, но и государство, у Патриархии появилась возможность добиваться «под мероприятие» определённых уступок со стороны государственной власти и способствовать оживлению церковной жизни. Патриарх не проигнорировал эту возможность. Он просил освободить уже переданное Патриархии здание «чертогов», Митрополичьи покои и ещё «некоторые помещения» в Троице-Сергиевой Лавре, где «можно будет устроить ночлег для гостей». Также он ходатайствовал об открытии Иерусалимского подворья при храме Воскресения Слоущего (ап. Филиппа) в Филипповском переулке близ Арбата и Сербского при предложенном к открытию храме Рождества Богородицы в Путинках³⁸. Затем в начале февраля 1947 года он предложил также передать под Александрийское подворье церковь в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Большой Ордынке, занятую на этот момент Государственной Третьяковской галереей. Причт и общину храма Воскресения Слоущего (ап. Филиппа) после организации подворья патриарх предлагал перевести в помещения Марфо-Мариинской обители, точнее — в её Покровский храм, где располагались реставрационные мастерские Комитета по делам искусств³⁹. 18 марта 1947 года патриарх ходатайствовал об открытии следующих храмов: Архангела Гавриила и Феодора Тирона на Чистых прудах (Александрийское подворье), Воскресения Слоущего (ап. Филиппа) (Иерусалимское)⁴⁰, Рождества Богородицы в Путинках (Сербское подворье). Для подворья Антиохийской Церкви он предлагал открыть храм в Ленинграде⁴¹. Предварительное согласие на открытие в Москве представительств Иерусалимской, Антиохийской, Александрийской и Сербской Церквей дал патриарху ещё в марте 1945 года И. В. Сталин. Но летом 1947 года Совет по делам РПЦ счёл возможным внести в этот план свои коррективы. В связи с политической линией,

37 Письма патриарха Алексия I. С. 224.

38 Там же. С. 224–225.

39 Там же. С. 235.

40 С переводом причта и общины в храм Большого Вознесения у Никитских Ворот, который в то время тоже не действовал.

41 Письма патриарха Алексия I. С. 253.

проводимой Александрийским патриархом Христофором (Данилидисом) и Иерусалимским Тимофеем (Фемелисом), а также в связи с их недоброжелательным отношением к Московскому Совещанию Совет по делам РПЦ рекомендовал Совету Министров СССР воздержаться от открытия храмов-подворий Иерусалимского и Александрийского Патриархатов. Решено было открыть Антиохийское подворье при храмах на Чистых прудах, Болгарское — при церкви на Ордынке и Сербское при действовавшем храме св. ап. Петра и Павла у Яузских ворот (Петропавловский переулок)⁴². В результате Сербское подворье так и не начало действовать по причине конфликта между руководством СССР и СФРЮ, а Болгарское подворье развернуло свою деятельность при действующем храме Успения Пресвятой Богородицы в Гончарах. При этом храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» был в 1948 году открыт и действовал как приходская церковь. В послевоенной Москве теперь стало на четыре действующих храма больше. Вскоре к их числу добавился ещё один — Малый собор бывшего Донского монастыря, где находилось захоронение патриарха Тихона.

В общую практику обновления московской церковной жизни этого краткого исторического периода вполне вписывалось и стремление патриархии получить в ведение академии и семинарии Смоленский собор Новодевичьего монастыря, тем более что патриарх рассматривал этот храм как одну из основных площадок для проведения общеправославного форума. И действительно, древний собор, построенный в первой трети XVI века, с его великолепным внутренним убранством и потрясающими фресками, должен был произвести соответствующее впечатление на иностранных гостей, как правило, не избалованных образцами высокого церковного искусства. Но обстоятельства сложились иначе.

Летом 1947 года патриархом Алексием были получены уведомления от Александрийского и Иерусалимского патриархов и от Кипрского архиепископа Леонтия (Леонтиу) о том, что они не смогут прибыть в Москву в сентябре 1947 года. При этом патриарх Христофор звал предстоятелей Церквей в Иерусалим или на Афон, патриарх Тимофей заявил о своей неготовности участвовать в совещании, а архиепископ Леонтий вовсе отрицал право патриарха Алексия на созыв форума такого формата. Совещание решили перенести на весну 1948 года⁴³. И затем постановили провести его летом 1948 года, приурочив к 500-летнему

42 Там же. С. 236.

43 Там же. С. 279–280.

юбилею автокефалии Русской Православной Церкви. При этом статус форума явно понижался.

Решая вопрос со Смоленским собором, Г. Г. Карпов направил 3 декабря 1947 года докладную записку в Совет Министров СССР на имя И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова со своими предложениями, вызванными ходатайством патриарха о передаче в ведение Патриархии Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Совет по делам Русской Православной Церкви предлагал провести совещание в храме Воскресения в Сокольниках, где в 1945 году проходили заседания Поместного Собора, и воздержаться от передачи Патриархии Смоленского собора в связи с тем, что на территории Новодевичьего монастыря уже действуют две церкви⁴⁴. Не зная о том, что решение уже принято, патриарх продолжал ходатайствовать об открытии Смоленского собора (наряду с Малым собором бывшего Донского монастыря и храмом в селе Воздвиженском и двумя часовнями, расположенными на пути из Москвы в Загорск) в начале февраля 1948 года⁴⁵. А в письме Г. Г. Карпову от 16 марта 1948 года он ходатайствовал «о передаче Московской Патриархии древних московских святынь — икон Божией Матери Владимирской и Донской, нахождение которых в Третьяковской галерее всегда огорчало русских верующих и посетителей, прибывающих из-за границы»⁴⁶. Эта просьба патриарха не имела никаких последствий.

Перед началом нового 1947/1948 учебного года Московские духовные школы произвели большой набор поступающих. На 1 октября 1947 года число обучающихся составило 180 человек (164 воспитанника семинарии и 24 студента академии)⁴⁷. А перемещение духовных школ в Лавру опять откладывалось на неопределённое время. Исполняющий обязанности ректора о. Сергей Савинский был вынужден обратиться к патриарху с просьбой о содействии в переговорах с Советом по делам Русской Православной Церкви по вопросу освобождения подвалов Успенского храма и передачи под общежитие учащихся Стрелецкого корпуса Новодевичьего монастыря (здание № 22). Но отцу Сергию не суждено было более иметь попечение о таких вопросах жизни богословских школ. Уже 28 октября 1947 года он был освобождён от исполнения

44 Там же. С. 312.

45 Там же. С. 335.

46 Там же. С. 348.

47 Смирнов В., прот. Святейший Патриарх Алексий и Московские духовные школы. С. 151.

обязанностей ректора и с 3 ноября вновь стал инспектором МДА и С⁴⁸. А 14 ноября к исполнению своих обязанностей приступил новый ректор — епископ Гермоген (Кожин), назначенный на этот пост Священным Синодом по представлению патриарха 28 октября 1947 года. Этим же постановлением Синода епископ Гермоген назначался заместителем председателя Учебного Комитета. С периодом ректорства владыки Гермогена и связано окончательное решение вопроса о возвращении академии в священные стены Троице-Сергиевой Лавры.

Владыка Гермоген⁴⁹ — обладатель достаточно насыщенной событиями, но весьма неоднозначной биографии. Выпускник Казанской духовной академии 1916 года, он в 1917 году защитил магистерскую диссертацию. С 1907 года священствовал. Преподавал в высших и средних учебных заведениях Новочеркасска, принимал участие в работе Поместного Собора 1917–1918 годов. С 1922 по 1945 год пребывал в обновленческом расколе. В 1931 году в брачном состоянии был хиротонисан во епископа Темрюковского, викария Кубанской епархии, в 1932 году — епископ Кубанский, в 1934-м — архиепископ Терский, управляющий Северо-Кавказской митрополией, в 1935-м — митрополит Северо-Кавказский и Ставропольский. В 1937 году был арестован и провёл семь месяцев в заключении в тюрьме города Ставрополя. В годы Великой Отечественной войны организовал в своей епархии сбор средств на нужды Красной Армии, в 1942 году передал в Госбанк две ценных панагии, крест с украшениями и 15 000 руб. личных сбережений. Своим бывшим «коллегой» по обновленчеству епископом Сергием (Лариным) характеризуется как «злейший обновленец», борец с монашеством и вообще — «тихоновщиной». Принёс покаяние весной 1945 года и был принят в сане протоиерея. Пострижен в монашество с именем Гермоген. 18 апреля 1946 года хиротонисан во епископа Казанского и Чистопольского. Доктор богословия *honoris causa* (1949 г.). в 1949–1954 годах — архиепископ Краснодарский и Кубанский, с 19 мая 1954 года — митрополит Алеутский и Североамериканский. Скончался 3 августа 1954 года⁵⁰.

48 *Пушков С., свящ.* Начальный период возрождения Московских духовных школ (1944–1964 гг.). Профессорско-преподавательская корпорация: диссертация... канд. богословия. Сергиев Посад, 2002. С. 82.

49 В миру — Василий Иванович Кожин.

50 АДМДА. Личное дело архиепископа Гермогена (Кожина); *Мануил (Лемешевский), митр.* Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно). Ч. II. *Боголеп (Анциух) — Гурий (Степанов)*. Куйбышев, 1966. С. 316–319; «Обновленческий»

Следует отметить, что начиная с весны 1946 года проходила поэтапная передача зданий архитектурного ансамбля Троице-Сергиевой Лавры в ведение Московской Патриархии. Уже в июле 1946 года в Совет Министров СССР был представлен проект, в соответствии с которым Церкви предполагалось передать часовню у Успенского собора, Михеевскую церковь, помещения Трапезной с церковью преподобного Сергия, колокольню, помещения бывшей духовной академии и ректорский корпус⁵¹. В связи с подготовкой к совещанию патриарх также ходатайствовал перед Советом по делам Русской Православной Церкви о передаче Патриархии Митрополичьих покоев⁵². В мае 1948 года патриарх обратился к Г. Г. Карпову с ходатайством о передаче ещё нескольких зданий, и после этого последовало распоряжение Совета Министров СССР за № 8786-рс от 3 июля 1948 года, обязывающее Комитет по делам искусств при СМ СССР в десятидневный срок передать Московской Патриархии здания, занимаемые Загорским историко-художественным музеем-заповедником: Троицкий собор с Никоновским приделом, Духовскую церковь, здание бывшей книжной лавки, помещение бывшей курильни. Спешным порядком Патриархии передавались (на правах аренды) мебель и другие предметы, принадлежавшие Митрополичьим покоям. Но всё это было уже накануне начала работы совещания. Вопрос же с частичной передачей здания «чертогов» решился гораздо раньше.

На основании постановления Совета Министров СССР от 29 ноября 1947 года Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник передал Московской Патриархии ряд зданий в Лавре, в том числе — ректорский корпус (здание «чертогов»). Акт передачи состоялся 10 декабря 1947 года. Монастырю передали Митрополичьи покои, надвратную церковь св. Иоанна Предтечи и несколько помещений в крепостной стене, примыкающей к св. вратам. «Чертоги» принимали ректор МДА и С епископ Гермоген и секретарь Совета академии А. В. Ведерников. На следующий день владыка ректор доложил Святейшему Патриарху и Священному Синоду о передаче здания и получил назначение возглавить специально созданную комиссию по ремонту здания и приспособлению его для нужд учебного заведения. В состав комиссии вошли: профессор протоиерей С. В. Савинский, доцент А. В. Ведерников, Н. И. Муравьев и сотрудник Патриархии

раскол (материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002. С. 685–687.

51 Письма патриарха Алексия I. С. 169.

52 Там же. С. 225.

С. Н. Филиппов⁵³. 12 декабря на заседании Совета Московской духовной академии ректор проинформировал корпорацию о состоявшемся акте передачи Московской академии ректорского корпуса («чертогов»), а 14 декабря комиссия во главе с епископом Гермогеном составила опись дефектов переданного здания⁵⁴. Комиссия наметила план первоначальных мероприятий по восстановлению здания, исходя из описи восстановительных работ, составленной архитектором Соболевым и подтвержденной Комитетом по делам архитектуры при СМ СССР, а также начальником Инспекции государственной охраны памятников старины архитектором В. П. Синюковым. Из документа следовало, что здание «чертогов» (за исключением основных конструкций) находится в полуразрушенном состоянии. 15 мая 1948 года начались масштабные восстановительные работы, ответственность за проведение которых Совет Московской духовной академии возложил на опытного инженера С. И. Мошкова⁵⁵. Участие в восстановительных работах принимали все студенты и воспитанники, находившиеся в каникулярное время в общежитии и не участвовавшие в церковном хоре⁵⁶. Но основной объем работ выполняли, конечно же, квалифицированные рабочие различных специальностей из числа местных жителей. Общее число их достигало 190 человек. Необходимые строительные материалы приобретались по нарядам, выданным Советом по делам Русской Православной Церкви, частично доставлялись со склада Патриархии в Телеграфном переулке и приобретались за наличные средства в магазинах Москвы и Загорска⁵⁷.

Пока в первом историческом здании Московской духовной академии, переданном Русской Православной Церкви, ударными темпами осуществлялись ремонтно-восстановительные работы с участием питомцев духовных школ, члены профессорско-преподавательской корпорации МДА и С принимали самое деятельное участие в подготовке и проведении Сопровождающих глав и представителей Православных Поместных Церквей, проходившего в Москве с 8 по 18 июля 1948 года. С основным докладом на тему «Пятисотлетний юбилей автокефалии святой Русской Православной Церкви» выступил доцент Николай

53 *Комаров К. М.* Жизнь Московской духовной академии с 1948 по 1955 год. С. 182. *Трофимчук М. Х.* Академия у Троицы. Воспоминания о Московских духовных школах. СТСЛ, 2008. С. 46.

54 *Комаров К. М.* Указ. соч. С. 182–183.

55 *Комаров К. М.* Указ. соч. С. 184.

56 *Ушков А. В.* Московская Духовная Академия в первые годы её восстановления. С. 174.

57 *Комаров К. М.* Указ. соч. С. 185.

Иванович Муравьев. Доклад ректора МДА и С епископа Гермогена (Кожина) был посвящён теме «Папство и Православная Церковь». Профессор Владимир Семенович Вертоградов посвятил своё сообщение вопросу об англиканской иерархии, а доцент Алексей Иванович Георгиевский прочитал доклад о церковном календаре⁵⁸. Таким образом, возрождённая академия заявила о себе как о центре богословской науки и духовного образования перед лицом всего (или почти всего) православного мира, делегировавшего своих представителей на московское совещание, на котором оказались представлены 11 из 13 православных Поместных Церквей. Однозначно бойкотировали церковный форум представители Александрийского Патриархата и Кипрской архиепископии, а представители других греческих Церквей принимали участие лишь в торжествах, посвящённых 500-летию автокефалии Русской Церкви, а от участия в работе совещания уклонились.

Тем временем к концу сентября восстановительные работы в той части «чертогов», которые были переданы Патриархии⁵⁹, завершились. 14 октября состоялся приём «чертогов» представителями Инспекции государственной охраны памятников архитектуры Отдела по делам архитектуры при исполкоме Мособлсовета. Был составлен охранный договор по принятию здания Московской духовной академией для использования его по прямому назначению. Акт подписали представитель Комитета по делам архитектуры В. П. Синяков и инспектор МДА и С архимандрит Вениамин (Милов)⁶⁰, который в тот же знаменательный для академии день (праздник Покрова Пресвятой Богородицы) совершил освящение «чертогов»⁶¹. К этому времени «чертоги» уже обрели новых насельников. К 10 октября все помещения, занимавшиеся Московскими духовными школами в Новодевичьем монастыре, были освобождены⁶². 19 октября 1948 года в «чертогах» начались занятия. Академия окончательно водворилась «у Троицы», в большой келье Лавры преподобного Сергия⁶³.

58 Русская Православная Церковь. XX век. С. 404–407; *Васьльева О. Ю.* Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001. С. 150–180.

59 Помещение Покровского храма не было передано в 1947 году. Оно на тот момент было занято Загорским городским Домом культуры. Покровский академический храм удалось восстановить к маю 1955 года.

60 *Комаров К. М.* Указ. соч. С. 195.

61 *Смирнов В., прот.* Святейший Патриарх Алексий и Московские духовные школы. С. 152.

62 *Ушков А. В.* Указ. соч. С. 175.

63 *Смирнов В., прот.* Указ. соч. С. 152.

Библиография

Источники

Архив делопроизводства Московской духовной академии (АДМДА). Журнал № 2 Общего Собрания Советов Православного Богословского Института и Богословско-пастырских курсов от 19 июля 1944 г.

АДМДА. Журнал № 4 Объединенного Совета Православного Богословского Института и богословско-пастырских курсов от 6 сентября 1944 года.

АДМДА. Личное дело архиепископа Гермодгена (Кожина).

АМПДА. Личное дело прот. Н. В. Чепурина.

Литература

Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В. Русь уходящая. Рассказы митрополита. М., 2004.

Алексий, патриарх Московский и всея Руси. Дневниковые записи. [Машинопись]. Т. I. 1943–1950 гг.

Алексий, патриарх Московский и всея Руси. Слова и речи. Т. I. М.: Изд. Московской патриархии, 1948.

Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008.

Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001.

Комаров К. М. Жизнь Московской духовной академии с 1948 по 1955 год // Сборник статей, посвященных 150-летию пребывания в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Т. I. [Машинопись]. Загорск, 1964.

Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно). Ч. II. *Боголеп (Анцух) — Гурий (Степанов)*. Машинопись. Куйбышев, 1966.

Москва православная. Церковный календарь. История города в его святынях. Благодетельные обычаи. М.: ИНТО, 2002.

«Обновленческий» раскол. Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / Сост. И. В. Соловьев. М., 2002.

Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров — Совете Министров СССР. 1945–1953 гг. Т. I / Под ред. Н. А. Кривовой; отв. сост. Ю. Г. Орлова; сост.: О. В. Лавинская, К. Г. Ляшенко. М.: Роспэн, 2009.

Пушков Сергей, священник. Начальный период возрождения Московских духовных школ (1944–1964 гг.). Профессорско-преподавательская корпорация: диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. [Машинопись]. Сергиев Посад, 2002.

Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др. М., 2008.

Савинский С. В. Московские Православные Духовные Академия и Семинария в 1946/1947 учебном году // Журнал Московской Патриархии. 1947. № 7.

Савинский С. В., проф. Торжество освящения храма в Богословском институте // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 1.

Смирнов Вадим, прот. Святейший Патриарх Алексий и Московские духовные школы // Московская духовная академия 300 лет (1685–1985). Богословские труды. Юбилейный сборник. М., 1986.

Трофимчук М. Х. Академия у Троицы. Воспоминания о Московских духовных школах. СТСЛ, 2008.

Ушков А. В. Московская Духовная Академия в первые годы её восстановления в стенах б. Новодевичьего монастыря // Сборник статей, посвященных 150-летию пребывания в Свято-Троице-Сергиевой Лавре. Труд профессорско-преподавательского состава МДА и С. Т. 1. [Машинопись]. 1964. С. 167–169.